

Издательская новинка

Клыки Дракона

Из предисловия к книге Джулио Мотози и Пьеро Нардини “Le zanne del Dragone”.

“Клыки дракона” – так называется статья Роберто Казеллы, опубликованная в мае 2010 года. Её сопровождала наглядная карта крупнейших производственных центров Китая, которая на протяжении многих лет оставалась важной опорной точкой для всех, кто занимался анализом “плюрализма мандаринов”. Столкнувшись с безграничной экспансией и сложностью властных структур в Китае, можно растеряться. Казелла отталкивался от крупных городов: *«Дракон – мифологический образ, идеально подходящий для изображения зрелого империализма континентального масштаба, каковым является Срединное царство. Китайские мегаполисы – это его клыки».*

Понимание ключевых узлов концентрации сил и противоречий китайского империализма позволяло разглядеть и второстепенные полюса, а затем и общую конфигурацию в целом, не теряясь в бесчисленных потоках. История взаимодействия ведущих экономических центров и политических направлений Китая позволила опереться на прочный фундамент для материалистического анализа. Статистика служила своего рода зеркалом заднего вида. Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, центры Чэнду и Чунцин на западе, Ухань и Сиань во внутренних районах и Далянь, Циндао и Сямэнь на побережье представляют собой китайские “пять озёр и четыре моря”, то есть ключевые районы, которые – по известной формуле Дэн Сяопина – должны быть представлены в политическом синтезе общей буржуазной линии страны, иначе может начаться политический кризис в самом Запретном городе.

Такое представление Мао Цзэдун и Дэн заимствовали – каждый на своём историческом этапе развития китайского капитализма – из традиции великой тысячелетней Империи: “четыре моря” метафорически представляли внешние границы Древнего Китая, а “пять озёр” – всё, что находилось внутри них, старые царства, столь непохожие друг на друга и зачастую враждующие между собой. В современном понимании озёра и моря описывают внутренние и прибрежные провинции, которые, в свою очередь, образно представляют как Жёлтый Китай и Голубой Китай.

Под маркой КПК плюралистическая структура мандаринской власти была направлена по пути централизации интересов господствующего класса и его фракций, постоянно конкурирующих друг с другом – словно соперничающие царства. Имея партийно-государственное устройство, испытанное пятьюдесятью годами ожесточённых конфликтов, Китай ворвался во второе столетие империализма, принеся с собой весь свой плюрализм капиталов.

Карл Маркс учил, что формирование общеклассового интереса буржуазии может быть только результатом непрестанной борьбы, затрагивающей политическую сферу, только как итог синтеза противоречий.

Фундаментальные труды о классовой борьбе во Франции остаются незаменимой школой для тех, кто стремится понять истинное содержание китайской “народной демократии” – политической формы, в которую облачилось классовое господство в империалистическом государстве нового азиатского разбойника.

В “Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта” – работе, посвящённой государственному перевороту Луи Наполеона в декабре 1851 года – Маркс указывал на свойство *«заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса ради того или другого личного мотива»*¹. Поэтому буржуазному государству, помимо репрессий против пролетариата, приходится заботиться о защите общих интересов господствующего класса от тысячи частных целей его собственных членов, даже если эти амбиции принимают форму отдельных китайских “морей” и “озёр”.

Научное исследование “Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.” открыло классовое содержание буржуазной республики, которая является *«высшей и чисто выраженной формой господства всего класса буржуазии»*². В “Восемнадцатом брюмера” Маркс пишет: *«Парламентарная республика представляла собой нечто большее, чем нейтральную почву, на которой обе фракции французской буржуазии, легитимисты и орлеанисты – крупная земельная собственность и промышленность – могли хозяйничать рядом, на равных правах.*

Она была необходимым условием их совместного господства, единственной государственной формой, при которой их общие классовые интересы господствовали как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами общества»³.

Две функции буржуазного государства – централизация политической власти то против пролетариата, то против “заурядных буржуа” и “отдельных фракций” самой буржуазии – переплетались на различных этапах классовой борьбы. Именно поэтому Фридрих Энгельс в предисловии к “Гражданской войне во Франции”, посвящённом Парижской коммуне 1871 года, делает акцент на первой функции: «[...] государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим»⁴. Именно это подчёркивал Ленин в работе “Государство и революция”, написанной в 1917 году. В разгар революционной борьбы «теория не догма, а руководство к действию»⁵. Ленин мог опираться на труды Энгельса, чтобы восстановить нить марксистской теории государства и соединить её с революционным натиском Октября. В “Анти-Дюринге” (1878) Энгельс пишет: «А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создаёт себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов»⁶. В работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, написанной в 1884 году, Энгельс добавляет, что публичная власть «усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населённые», то есть на неё влияют как классовая борьба, так и «конкуренция завоеваний»⁷ между государствами.

Застав последние десятилетия XIX столетия, время “кризиса конца века”, Энгельс анализировал «теперешнюю Европу», охваченную гонкой вооружений, и ясно обозначал ключевую роль государственной власти в конфликтах зарождающейся империалистической эпохи. Ленин, помимо этих замечаний о военном аппарате – которые чрезвычайно актуальны и сегодня, – располагал замечательным синтезом наших учителей о государстве как органе борьбы буржуазии с пролетариатом, с отдельными капиталистами и другими государствами.

Классики высекли на камне общественной науки фундаментальные черты демократии как «лучшей оболочки»⁸ для диктатуры капитала, диктатуры буржуазии. Ленин развил эту линию, с самого начала уловив реакционный характер «империалистической демократии»⁹, оболочки буржуазной диктатуры в империалистической фазе капитализма, достигшего своей “высшей” стадии, то есть старости.

Демократическая форма, возникшая в результате политической борьбы XIX века, на новом этапе – этапе концентрации капитала и передела мира – продолжала служить средством формирования и выражения интересов буржуазии. Но демократия мелких производителей, соответствующая фазе свободной конкуренции, в империалистическую эпоху стала «реакционной» демократией, став наилучшей оболочкой империалистического плюрализма крупных экономических групп, «политической плюралистической централизацией крупного капитала»¹⁰. Арриго Черветто назовёт её империалистической демократией, интерпретируя ленинскую формулу реакционной демократии.

Китай, хотя и демонстрирует особую, искажённую форму империалистической демократии, сохраняет все её ключевые характеристики. Пример Поднебесной не опровергает универсальности капиталистического способа производства: в нём есть буржуазия и пролетариат, причём его государство – это государство капиталистов. Сегодня, независимо от политической формы, китайское государство – это государство крупных промышленных и финансовых концентраций. Баланс сил, даже внутри конкретных институтов партии-государства, выражает баланс политических волей множества реальных экономических сил. Основные черты китайского империалистического государства в точности повторяют функции централизации государственной власти, на которые обращал внимание Энгельс, эта проблема получила развитие в работах Ленина, который развил её на стадии империалистической демократии. Марксистская теория государства обладает прочной основой для изучения беспрецедентного восхождения новых азиатских империалистических держав.

Декабрь 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 180.

---

² - Там же. Т. 7. С. 58.

³ - Там же. Т. 8. С. 185.

⁴ - Там же. Т. 22. С. 200–201.

⁵ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 41. С. 55.

⁶ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 290.

⁷ - Там же. Т. 21. С. 171.

⁸ - Черветто А. Политическая оболочка СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 78.

⁹ - Там же. С. 121.

¹⁰ - Там же. С. 89.